

Шэнь Цинчжоу скользнул взглядом по сидевшим за столом. Пятеро гостей едва перешагнули порог двадцатилетия. Двоих он когда-то смутно видел и примерно представлял, чьей школы они будут, еще двоих безошибочно определил по дорожному платью и деталям снаряжения. Последний же оставался для него полной загадкой — ни знакомых черт лица, ни единой зацепки, позволяющей судить о его происхождении.

Незнакомец устроился прямо напротив. Коренастый, низкорослый, с лоснящимся круглым лицом, на котором мелкие черты казались нелепой случайностью. Тяжелые щеки заплыли жиром так плотно, что глаза утонули в складках кожи, превратившись в едва заметные щелочки.

Приплюснутый нос с мясистыми крыльями располагался над крошечным, но капризно выпяченным ртом-бусиной. У него была огромная голова и уши, похожие на бесформенные вареники. Природа не обделила его уродством — лицо незнакомца не носило следов увечий, но врезалось в память раз и навсегда.

Шэнь Цинчжоу никогда не судил о людях по внешности, но этот гость вызывал у него безотчетную брезгливость. Пожалуй, на его фоне даже испещренное шрамами лицо Лочэня могло показаться образцом благообразия.

Шэнь Цинчжоу и рад бы не смотреть на него, но личность незнакомца интриговала. Лэй Чжэньбэй лишь вскользь упомянул, что гостя зовут господином Цзинем и прибыл он из самой столицы. Цинчжоу знал: искушенные мастера маскировки порой намеренно принимают самый отталкивающий облик. Обыватель при виде такого уродства спешит отвернуться с брезгливой гримасой, а значит, никогда не разглядит изъянов в чужой личине.

За пиршественным столом Шэнь Цинчжоу не спускал глаз с господина Цзиня, ловя мгновения, когда тот подносил к губам чарку. За годы скитаний по цзянху ему посчастливилось постичь основы искусства маскировки. Он прекрасно знал: какая бы тонкая работа ни скрывала лицо — будь то маска из настоящей человеческой кожи, способная обмануть кого угодно, — ее выдадут мелочи. Из-за консервирующих снадобий искусственная плоть реагирует на влагу иначе, чем живая, и стоит капле вина упасть на кожу, как обман становится явным.

Впрочем, господин Цзинь, вопреки безобразной внешности, вел себя на удивление свободно. Он не отличался многословием, но чарки осушал с завидным удалством, не выказывая ни тени смущения. Казалось, он и вовсе не замечает обращенного на него цепкого, изучающего взгляда.

Шэнь Цинчжоу славился исключительной наблюдательностью, но даже он не уловил ни единого подозрительного движения за все время застолья. Тщетные попытки разглядеть фальшь лишь распаляли его раздражение от вынужденного созерцания этого безобразного лица.

Застолье тянулось лениво. Лучшей приправой к изысканным яствам Цзяннани служила бесконечная, изощренная лесть, которой Лэй Чжэньбэй осыпал молодых мастеров. Его

угодничество было столь слащавым, а речи настолько напыщенными, что это граничило с откровенным лизоблюдством.

Это не могло не изумлять Шэнь Цинчжоу. Лэй Чжэньбэй еще до того, как пойти на службу к главе эскорта Фаню, завоевал имя в цзянху благодаря унаследованному от предков искусству «железного кулака». Сидевшие же за столом юнцы, не считая самого Цинчжоу, были либо неизвестными новичками, только-только покинувшими стены родных школ, либо обладали весьма сомнительной славой. Не говоря уже о том, что по возрасту и положению в цзянху они сами должны были оказывать Лэй Чжэньбэю величайшее почтение.

Если дела принимают столь странный оборот, тому непременно есть скрытая причина. Шэнь Цинчжоу решил выждать. Сохраняя непринужденный вид, он весело шутил, благосклонно принимал славословия Лэй Чжэньбэя и покорно осушал подносимые чарки. Вскоре на его лице, как и у прочих гостей, проступили следы легкого опьянения.

Шэнь Цинчжоу и представить не мог, что первая гроза разразится над его собственной головой.

Вышло смешно: Шэнь Цинчжоу, обладавший недюжинной стойкостью к хмелю, страдал от досадного свойства — его лицо мгновенно краснело от вина. В этом не было ничего необычного, но кожа юноши была бела как чистейший нефрит, а изяществом черт он мог поспорить с первыми красавицами. Стоило осушить несколько чарок, как его щеки залил густой пунцовый румянец, сделав Шэнь Цинчжоу похожим на знатную девицу, усердно нарумянившуюся перед выходом в свет.

Этим не преминули воспользоваться двое соседей по столу. Один — угрюмый парень в сером халате с ястребиным носом по имени Ши Цзипин, ученик Школы меча Хэншань. Второй — самый юный из компании, представитель Школы Хуашань по имени Сяо Янся. Хмель придал им храбрости, и они решили развлечься, задев Шэнь Цинчжоу.

Ши Цзипин, устроившись по правую руку от Шэнь Цинчжоу, покачнулся и с силой толкнул соседа локтем. Шэнь Цинчжоу, решив не раздувать ссору из-за пьяной неловкости, лишь мягко уклонился. Но наглец не унимался. Развернувшись всем корпусом, он одарил Цинчжоу презрительным, мутным взглядом и бесцеремонно крикнул Лэй Чжэньбэю:

— Брат Лэй! С каких это пор в нашу команду берут барышень?

Лэй Чжэньбэй и остальные сразу поняли, что Ши Цзипин сознательно ищет драки, и сохранили угрюмое молчание. Лишь юный Сяо Янся не сдержался и звонко прыснул. Решив, что этого мало, он уставился на Шэнь Цинчжоу и подлил масла в огонь:

— «Беззаботный искатель удовольствий» — до чего же примечательное прозвище, брат Шэнь. Уж коль скоро вы так любите улады, то наш путь в вашей компании обещает быть на редкость приятным.

Прозвище это никак не отражало ни воинское мастерство, ни благородство Шэнь Цинчжоу. Своим звучным именем он был обязан лишь пагубной привычке проводить ночи в веселых кварталах, о чем в цзянху знали решительно все, кому не лень судачить.

И хотя сам Шэнь Цинчжоу никогда не принимал эти пересуды близко к сердцу, услышать подобное от безвестного юнца, да еще и сдобренное столь неприкрытой издевкой, было откровенной дерзостью.

Лэй Чжэньбэй выдавил сухой смешок, намереваясь уладить назревающую ссору, но Шэнь Цинчжоу опередил его. Он мягко улыбался. Повернувшись к хозяину, он вкрадчиво спросил:

— Глава Лэй, а поведайте-ка мне подробнее: что это за отряд по охране каравана, о котором все говорят?

— Ах, это... — Лэй Чжэньбэй облегченно перевел дух, поняв, что Шэнь Цинчжоу не собирается пускать в ход кулаки из-за пьяной болтовни. Стерпев обиду ради дела, он принял серьезный вид и пояснил: — Такова была воля главы эскорта Фаня. Наши люди и почтенные мастера из цзянху разделятся на два отряда. Первый пойдет открыто, с поднятыми знаменами и громогласными кличами, отвлекая внимание. Мы же прикинемся мирными купцами и двинемся в путь тайными тропами.

Шэнь Цинчжоу понимающе наклонил голову.

— Чинить открыто галереи, а тайно пробираться через Чэньцан... Отличная уловка.

Юноша уже собирался подвести разговор к самому важному — выведать у Лэй Чжэньбэя, что за ценность им поручено оберегать и какая черная кошка пробежала между эскортным агентством «Небесный тигр» и Дворцом Лазурного нефрита. Но не успел он раскрыть рот, как неугомонный Ши Цзипин внезапно выбросил вперед когтистую лапу, метя ему в плечо. На сей раз Шэнь Цинчжоу церемониться не стал. Уклонившись от захвата, он неуловимым движением плеснул вином из кубка прямо в глаза задире.

Ослепленный едкой влагой, Ши Цзипин выругался, зажмурился и попятился. Шэнь Цинчжоу даже не повернул к нему головы. Обращаясь исключительно к хозяину дома, он небрежно бросил:

— Глава Лэй, ваш гость, почтенный Ши, кажется, изрядно перебрал. Будьте добры, велите слугам проводить его в опочивальню, пока он не натворил глупостей.

Лэй Чжэньбэй уже готов был кликнуть слуг, но Ши Цзипин не собирался отступать. Будучи ровесником Шэнь Цинчжоу из Долины Сяояо, он вступил на тропу цзянху в то же время, что и соперник. Однако за эти годы слава Цинчжоу взлетела до небес, оставив его самого далеко позади. Ши Цзипин был твердо уверен: этот выскочка поднялся лишь благодаря смазливому личику и скандальным похождениям, а за душой у него нет ни гроша истинного мастерства.

Судьба неожиданно столкнула их здесь, куда Ши Цзипина направили старейшины его школы, и упускать редкий шанс растоптать чужую репутацию он не собирался. Нарочно пошатнувшись, он издал громкий хмельной ик и с ядовитой ухмылкой протянул:

— Брат Лэй, уверяю тебя, я трезв как стеклышко! Я лишь пекусь о деле. Коль скоро мы вызвались помочь твоему эскورتу и готовы ради этого лезть в самое пекло, негоже нам терпеть убытки из-за чужой беспомощности. Разве я не прав, господа?

За столом никто не отозвался. Даже Сяо Янся, только что охотно подливавший масла в огонь, притих и лишь поджал губы.

Лэй Чжэньбэй побагровел от ярости. Он метнул в Ши Цзипина испепеляющий взгляд, но тот демонстративно смотрел в сторону. Готовый сорваться на крик хозяин уже открыл было рот, когда сидевший доселе смирно господин Цзинь не спеша поднялся и подал голос:

— А ведь молодой герой Ши говорит разумные вещи. Нам предстоит делить тяготы пути, а для этого нужно полное доверие. Сяо-дася, почему бы вам не явить нам толику своего мастерства? Это разом рассеет любые сомнения.

Голос этого человека разительно отличался от его нелепого облика. Он звучал сухо, монотонно и жестко, без малейших интонационных переливов. Из-под заплывших век-щелочек невозможно было высмотреть и крупиты подлинных чувств.

— Ну же, Сяо-дася! Потешьте честную компанию. Обещаю: мы лишь скрестим клинки для забавы, не более! — Воодушевленный неожиданной поддержкой, Ши Цзипин приосанился, отвесив Шэнь Цинчжоу издевательский поклон и демонстративно положил ладонь на эфес.

Шэнь Цинчжоу бросил мимолетный взгляд на господина Цзиня и усмехнулся про себя — его искусно заманивали в ловушку. Что ж, раз соперник так рвется в бой, глупо уклоняться. Он вежливо вернул поклон и неторопливо произнес:

— Раз уж молодой герой Ши столь настойчив, мне остается лишь смиренно принять вызов. Однако эта палата слишком тесна для доброго поединка, да и негоже портить пиршественный покой. Предлагаю спуститься во двор и сойтись на камнях искусственной горки. Тот, кто первым сорвется вниз, признает свое поражение. Согласны?

Ши Цзипину было решительно все равно, где драться, лишь бы утолить уязвленное самолюбие. Он опустил взгляд на пустой пояс соперника и с прищуром спросил:

— Сяо-дася, мой верный клинок всегда при мне. А где же ваше оружие? Неужто выйдете с голыми руками?

Свой собственный меч Шэнь Цинчжоу, проявив неслыханную щедрость, уже успел подарить

тому уродливому черту. Услышав вопрос соперника, он театрально всплеснул руками и сокрушенно почесал затылок:

— Ах, какая досада! Вчера ночью, стремясь разделить ложе с одной прелестной затворницей, я преподнес свой меч ей в дар. И как теперь быть? Ума не приложу...

Он выдал это с таким искренним смущением на раскрасневшемся лице, что за столом вновь воцарилась звенящая тишина. На сей раз не только Ши Цзипин, но и все присутствующие обменялись весьма красноречивыми взглядами.

Славная Долина Сяояо исстари числилась среди столпов праведных школ, но как, во имя неба, она умудрилась взрастить подобного проходимца?

— Брат Шэнь, если не побрезгуете, возьмите мой клинок, — Сяо Янся первым нарушил неловкую паузу. Он отвязал от пояса ножны и обеими руками протянул оружие Шэнь Цинчжоу.

Шэнь Цинчжоу рассыпался в благодарностях, небрежно забрав меч одной рукой. Школа Хуашань славилась непревзойденным искусством фехтования, и оружие ее учеников ценилось высоко. Юноша взвесил клинок на ладони, пробуя баланс, и с улыбкой повернулся к сопернику:

— Молодой герой Ши, прошу вас.

Ши Цзипин лишь презрительно фыркнул. В один прыжок он перемахнул через перила террасы и ласточкой опустился на вершину каменной горки во дворе. Стоило его подошвам коснуться опоры, как обнаженная сталь в его руке уже испустила холодный блеск.

Шэнь Цинчжоу не выказал ни малейшей спешки. Вернувшись к столу, он неторопливо наполнил чарку, осушил ее до дна и лишь тогда ленивой походкой направился к перилам. Обнажив заимствованный у Сяо Янся клинок, он вскинул его над головой и звонко крикнул:

— Молодой герой Ши, берегись клинка!

И с этими словами он запустил тяжелую сталь прямо в соперника, словно обычное копье!

Оружие со свистом рассекло воздух, устремляясь к цели. Ши Цзипин никак не ожидал от признанного преемника Долины Сяояо столь дикарской уловки. Почти задыхаясь от ярости, он взмыл ввысь, намереваясь широким круговым ударом отразить летящую сталь.

Решив, что Шэнь Цинчжоу попросту паясничает, он вперил взгляд в летящее лезвие, напрочь позабыв о самом противнике. Лишь когда затылок обдало резким порывом ветра, парень осознал свою оплошность. Но в воздухе уклониться уже невозможно. Поняв, что его

безжалостно провели, Ши Цзипин в отчаянии рванул рукоять назад, вкладывая в слепой замах все силы и напрочь забыв о правилах приличия.

Но Шэнь Цинчжоу не зря слыл опасным противником. С самого начала он замыслил кончить дело одним стремительным броском, искусно распалив ярость оппонента шутовством. Ответный, полный паники выпад Ши Цзипина был им предвиден до мелочей. Резко изогнувшись в воздухе, Цинчжоу поджал ноги и с ювелирной точностью наступил мыском сапога прямо на плоскую сторону вражеского клинка, гася инерцию чужого полета и силой увлекая противника к земле.

Впрочем, для своих лет Ши Цзипин действительно владел мечом отменно. Почувствовав, что падение неизбежно, он яростно взревел, перегруппировался в воздухе и уперся кончиком клинка в выступ скалы. Оттолкнувшись, он совершил головокружительное сальто назад и вновь ринулся к вершине, где замер Шэнь Цинчжоу.

Шэнь Цинчжоу только этого и ждал. Раззадоренный соперник действовал вслепую, и юноша порхал вокруг него легко и неуловимо, словно весенний мотылек. Не прошло и пяти ударов сердца, как зрители в башне увидели, как потерявший равновесие Ши Цзипин с глухим плеском сорвался с камней и рухнул в воду декоративного пруда.

Лэй Чжэньбэй от неожиданности охнул и ласточкой ринулся со второго этажа вниз, спеша на помощь захлебывающемуся бедолаге. Шэнь Цинчжоу не спеша соскользнул с камней, бережно поднял из травы оброненный клинок Сяо Янся и с обезоруживающей улыбкой окликнул хозяина дома:

— Помощник главы Лэй, не беспокойтесь понапрасну! С молодым героем Ши все в порядке. Это была лишь дружеская проба сил.

<http://bllate.org/book/19915/2039187>